

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

КРАСНЫЙ
*ЖУРН*АЛ
ДЛЯ
ВСЕХ

№ 5 - 6

ПЕТРОГРАД,

1923 ГОД.

Деревенские частушки.

III. Язва дезертирства.

I.

Дезертирство приняло эпидемический характер в армии и стало бытовым явлением в деревне еще при царе. Приблизительно: начиная со второй половины второго года империалистической войны.

Уже тогда звучали в деревне, казарме, а может быть и в окопах, такого рода припевки:

„Не пойду я во солдаты,
На кой чорт буду служить?
В лесу вырою землянку,—
Дезертиром буду жить“.

Это — в деревне, а на передовых позициях — свои песенки, отражение казарменных и окопных настроений:

„Целый день стреляли пушки;
Вздумал я домой бежать—
Повидать свою родную
И обнять старуху-мать“.

Этот — только еще думает о дезертирстве; другой — более решителен: задумал — сделал:

„Надоела мне винтовка,
Надоел мне патронташ,
Надоела маршировка,
И я с фронта — шагом марш“.

А далее уже чисто-бытовое: беглец в пути: (казарма или окопы далеко за спиной):

„Шел я полем, шел я лесом,
Словстречались братики,
Все такие же, как я,
Беглые солдатики“.

Итак, с одной стороны, призывающей в деревне — прячется от призыва в леса; а с другой стороны, уже призванный под ружье — бросает его и бежит из казармы или окопов домой, в деревню.

Керенщина, не разглядевшая смертельной народной усталости от войны и органической невозможности для него продолжать ее, еще более усилила дезертирство. Бесконтрольные митингования (при наличии миллионов, томившихся, как и встарь, в казармах-острогах и на передовых позициях) привело лишь к тому, что в головах этих миллионов воцарился хаос и сумбур.

Прорезанный, однако, одной, яркой и определенной, как молния, мыслью:

— „Конец войне!“

Деревня поет:

„Бога нет, царя не надо,
Мы начальников дубьем:
Контибуцию не платим
И в солдаты не пойдем!“¹⁾.

А казарма и фронт — им петь некогда — шапку в охапку, и — по домам: полками, дивизиями, корпусами...

II.

18-й год... 19-й год... 20-й год...

Имела возможность пролетарская республика в эти крестные свои годы агитационно завоевать деревню?

— Нет.

Почему?

— Не хватало людей. Не хватало времени. Вся энергия мозольного класса целиком поглощалась фронтами гражданской войны.

Враг — наступал, душил, заливал целые губернии и области рабочей и крестьянской кровью.

Богатый лесами север (Архангельск) — отрезан. Богатый минералами восток (Урал-Сибирь) — отрезан. Богатый хлебом и минеральным топливом юг (Баку, Донбасс, Украина) — тоже отрезан.

И запад отрезан — мертвый петлей голодной блокады.

При этих условиях нужно было прежде всего, отгрызаться от наседающего врага, — раз! Хоть частично — вернуть утраченное, жизненно для страны необходимое, — два! И три — прорвать цепи блокады.

А агитационное завоевание деревни — потом: когда будут руки свободны и горло не скжато железной вражескою перчаткой.

И результатом этой невозможности для республики развернуть в те дни агитационную работу в деревне во всю наступившую широту, явилось возрождение сельского дезертирства.

¹⁾ Частушка слегка изменена в интересах пристойности.

Призывные прятались в банях, гумнах, сараах, рыли землянки в лесу, отсиживались по болотам. И — не день, два, неделю, месяц:—месяцами, десятками месяцев.

Совсем бытовое явление:

Девушка поет на гулянке, может быть только еще сегодня утром сложенную песенку:

„Ах мой милый дезертирик,
Он находится в лесу;
Я, молоденькая девочка,
Поесть ему несу“.

А другая—о своем миленьком:

„Мой миленок дезертиром,
Я его на фронт пошлю:
Он со мной гулять не хочет—
Я в совете заявлю“.

Ну, разве это не бытовое явление:—дезертиры... ходящие на беседу и удирающие оттуда при первом приближении к беседной избе беседников же коммунистов?—

„Дезертиры, дезертиры,
Дезертирам горюшко:
Коммунисты на беседу,
Дезертиры в полюшко“.

Или—такая же девичья жалоба:

„Болит душка у подружки:
Святой праздничек пропал:
Комиссары показались,
Мой миленок убежал?“.

Или—такое свидетельское показание самого потерпевшего:

„Дезертиром я считался,
На сарае ночевал;
Коммунист ко мне ворвался—
Без штанов я в лес бежал?“.

III.

В некоторых местах (по большой части, в глущи, за сто верст от города или же лезной дороги) дезертирство принимало удручающе-широкие размеры.

Там шкурники уже не прятались по сараям, гумнам, баям, не зарывались в землю в лесах, или на островках болотных, а шумной, наглой толпой ходили по улице, вызывающе распевая во все горло:

„Дезертиры, дезертиры,
Дружные ребятушки,
Не пойдем служить в армейцы—
Лучше нам у матушки“.

Чувствуя свою полную безнаказанность, они издевались над бессилием комячейки, или волсовета, что-либо с ними сделать:

„Шел я раз мимо Совета,
Там и бесу не понять:
Коммунисты сидят, плачут—
Дезертиров не собрать“.

Агитационно не захваченный городом, молодняк глухих медвежьих углов долгое время находился под влиянием консервативной гниющей стари, контрреволюционной деревенской интеллигенции (фельдшера, лавочники, учителя), черносотенного поповства.

В лесу шкурники организуются в отряды, возникает „зеленая армия“ и в результате, после столкновений с красноармейскими частями, либо хвастливое:

„Коммунисты с пулеметом,
Дезертиры с пахалам;
Дезертиры коммунистов
Разогнали по углам“.

Либо — наглое, явно-контрреволюционное, на мученической крови:

„На осине, на вершине
Коммунист болтается,
Дезертиры бога молят,
Что война кончается“.

IV.

Но каково отношение к дезертирству молодой красной деревни?

Новая деревенская девушка—неужели это она укрывает и подкармливает в лесу предателя народной власти:

„Ах мой милый дезертирик,
Он находится в лесу;
Я, молоденькая девочка,
Поесть ему несу?“.

Нет, для дезертира-миленочки у неё песни другого характера:

„Мой миленок — негодяй:
С фронта дезертировал.
Я тогда ему сказала—
Чтоб в глаза не видывал!!“.

А масса—либо пытается любовно-братьски пробудить в шкурнике уснувшую его совесть:

„Дезертиры, дезертиры,
Полно веселиться:
Не пора ли, дезертиры,
Вам в Совет явиться?“

Либо — прямо указывает, что поведение их бесчестно.

Дезертиры, дезертиры,
Дезертирам плохо жить,
Уж Совету послужите,
Постарайтесь честным быть».

Громадное количество дезертиров, с течением времени, намаявшись в бегах и убедившись, что советская власть стоит твердо, пришло с повинной. Красная казарма отрезвила их, открыла им глаза, и из них выплыли великолепные борцы и революционеры.

Но менее сознательных пришлось извлекать из их темных, потайных укрытий су-

ровыми мерами, ибо с пеисправным шкурником можно рассуждать только воздействуя на его шкуру: —

„Эх, довольно дезертириТЬ,
Пойду в армию служить:
Все забрали у мамаши —
Обещали воротить“.

Теперь дезертирство отошло в область преданий. Широко разлившееся по стране слово правды проникло в самые глухие, трущобные углы ее и завоевало деревню.

По крайней мере (как мы это видели выше, в предыдущих статьях) красный ее молодняк.

В. Князев.

